

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА

В статье исследуется лингвистика эмоций в языковой картине мира. Определяется ядерная и периферийная части концепта «смех» на материале прозы Виктора Пелевина.

Ключевые слова: эмоция, смех, концепт, языковая картина мира.

В последние десятилетия в лингвистике особое место занимают исследования концептов и, в частности, эмоциональных концептов, формирующихся в пространстве художественного текста в рамках определенной национальной языковой картины мира. На современном этапе в силу антропоцентризма языкознания эта проблема занимает одно из ключевых мест в науке.

Известно, что язык определяет принадлежность человека к той или иной национальной культуре. Культура же вербализуется в языке, аккумулирует ключевые концепты, репрезентируя их в знаковом воплощении. Эти ключевые концепты детерминируют языковую картину мира писателя, вербализуясь в художественном континууме текстов его произведений. Поэтому изучение концепта «смех» в современной русской прозе является актуальным с точки зрения объекта исследования, а исследование способов его вербализации в творчестве Виктора Пелевина позволят уточнить представления о базовых элементах языковой картины мира знаковых представителей русской лингвокультуры.

Вопрос об эмотивности языка рассматривается в лингвистике (Л.Г. Бабенко [1], Н.А. Лукьянова [3, с. 157–178], Е.Ю. Мягкова [4], В.Н. Телия [6, с. 65–74], В.И.

Шаховский [7] и др.), где указывается на сложность изучения чувственной сферы языкового пространства, нечеткость вербализации ее фрагментов, на основные закономерности семантики эмотивной лексики. По мнению В.И. Шаховского, лингвистика эмоций является многоаспектным явлением, включающим в себя, в частности, аспект языковых средств и способов выражения эмоциональности, социальный контекст и контекстуальные закономерности языковых реализаций эмоций [7]. Важное место среди средств вербализации эмоций занимают ментальные концепты.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью систематизированного изучения основных тенденций концептологии, эмотологии, что, в свою очередь, требует анализа внутренних механизмов и экстралингвистических факторов, влияющих на формирование концепта. Это позволит определить место эмоциональных концептов в русской языковой картине мира, в частности, концепта «смех».

Объектом исследования являются лексемы, обозначающие понятие «смех» (смех, улыбка, хохот, ухмылка и т.п.). Предметом выступают особенности лексико-семантической вербализации концепта «смех» в современном русском языке.

Целью работы является определение средств выражения смеха в индивидуально-по-авторской картине мира Виктора Пелевина.

Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**: установление ядра исследуемого концепта в русском языке; определение и описание способов вербализации концепта «смех» и ассоциативных связей концепта в референтных ситуациях; выявление периферии концепта «смех» на материале прозы Виктора Пелевина.

Материалом для анализа периферийной части исследуемого концепта и его ассоциативных связей послужил сборник рассказов Виктора Пелевина «Анапасная вода для прекрасной дамы».

Ключевыми словами-репрезентантами, объективирующими концепт «смех» в художественных текстах Виктора Пелевина, являются, кроме соответствующей лексики *смех*, еще и: *смеяться, засмеяться, рассмеяться, улыбнуться, улыбка, посмеяться, отсмеяться, хохотать, хохот, усмехаться, ухмыльнуться, смешить, смешно, несмешливо, смешной, гы-гы-гы*, которые составляют деривационную часть ключевого слова в языковой картине мира писателя.

Смех у Виктора Пелевина по-разному эмоционально окрашен и может вызывать различные эмоциональные реакции главных героев. Отрицательные эмоции в русской картине мира являются компонентом ближней периферии концепта. Главным образом, ими являются ирония или издевка, насмешка.

Что касается структуры концепта «смех» в индивидуально-авторской интерпретации, то здесь этот компонент частично входит в ядро, частично – в ближнюю периферию.

Касательно ядерной части концепта стоит отметить расширение компонентов положительные / отрицательные эмоции. В его структуру Виктором Пелевиным включен более значительный объем негативных эмоций.

1. Ирония, сарказм, насмешка, издевка, злорадство – это наиболее часто встречающиеся чувства, которые испытывают литературные персонажи, выражая

их при этом смехом: <...> *А Аушиц – это место, где бедные евреи платят за богатых, гы-гы-гы...* [5, с. 86]; *Он мог сказать что-то на первый взгляд невинное, а на самом деле ядовитое, с двойным дном <...> И все с улыбочкой, с хохотком, как будто это такой легкий светский разговор* [5, с. 86]; *Боишься? – спросил Шмыга. – Не бойся, Семен. Я в тебя верю. Добросвет тоже. Он тебе капель храбрости в квасок подольет, гы-гы-гы...* [5, с. 66] и т.д. В данных случаях насмешка, ирония, выражаемая словами *гы-гы-гы*, *улыбочка*, *хохоток*, объективируется сравнениями-противопоставлениями *бедный – богатый*, *невинное – ядовитое*, *боязнь – храбрость*.

Лексема *хихикнуть* у Пелевина передает злорадство, смех исподтишка: *Бар-клай, зима, иль русский Бог, – ответил ангел и хихикнул* [5, с. 342].

Оппозицией *посмеяться* и колоративом-эпитетом *мрачный* курьез злорадство выражается в следующем контексте: *Когда он рассказал им свою историю, те посмеялись и решили, что эта информация, как не имеющая практической ценности, останется просто одним из мрачных курьезов, известных ЦРУ из России* [5, с. 95].

Лексема *усмехнуться* имеет значение «улыбнуться (обычно с иронией, насмешкой, недоверием и т.п.)» [2, с. 1400]: *– Помнишь еще, значит, – усмехнулся ему Шмыга и опять повернулся ко мне. – Как проходит подготовка?* [5, с. 60]; *Борис мрачно усмехнулся* [5, с. 305]; *– Все проверяете, – усмехнулся Борис. – Неужто не верите до сих пор?...* [5, с. 319]; *– В некотором роде, – сказал ангел и усмехнулся* [5, с. 346]; *Ангел грустно усмехнулся и качнул головой* [5, с. 347].

Негативный эффект достигается автором в следующем контексте: *Мое только что отвоёванное психическое равновесие снова нарушилось, ибо я понял – даде если со мной действительно говорит Шмыга, ничто не помешает его голосу быть по совместительству и голосом ада <...>. Не знаю, понимал ли Шмыга, какие вихри проносятся сквозь мою <...> душу. Думаю, подобные ему мучители <...> знают только, что их жертвы испытывают боль, и примерно чувствуют ее интенсивность.*

– Ладно, – сказал он, отсмеявшись, – молодец. Я думал, дольше продержусь. Ты хоть понял, откуда я с тобой говорю? [5, с. 27]. В данном случае смех кажется несмешным из-за ситуации, в которой был намеренно унижен человек.

Лексема *смешно* имеет значение «нелепо, странно» [2, с. 1218]: *Думать, что такие вещи можно писать карандашом по бумаге, мне даже как-то смешно* [5, с. 57]; *И все мы были такими машинками, и, как ни смешно это звучит, воистину должны были славить играющего в нас ребенка – ибо он был всеми нами, и вне его нас просто не существовало* [5, с. 59].

Саркастический эффект достигается автором с помощью корреляции *смешно – несмешно* (без выражения): <...> *Она испытала некоторую досаду, когда спорщики наконец договорились, пожали друг другу руки и открыли бутылку шампанского.*

– Это папа и мама? – спросила она.

– Очень смешно, – ответил ангел без выражения. – Это папа. Мама подойдет позже [5, с. 332].

В других контекстах злорадство и даже издевка выражаются сочетаниями слов с противоположным аксиологическим потенциалом: *плакать – смеяться, смешно – страдальческий*. Ср.: *Буш плакал, а потом смеялся, потом снова плакал. А потом*

я переключил его на ангелов... [5, с. 82]. – И теперь я буду тебе мстить, у-у-у-у... «У-у-у-у» смешино выглядит на письме, но, когда голос завыл в моей голове, это было... Даже не знаю, как передать. Как будто бригада эзков вдруг воскресла, положила inferнальный дымоход между моим носом и ухом – и в нем загудел страдальческий ветер ада [5, с. 25].

2. **Страх, тревога.** В одном из зафиксированных нами примеров страх выражается писателем прямой номинацией, а в другом – метафорически. Ср.: Я вдруг вспомнил, как беззащитен человек перед лицом природы <...>. Это совершенно лишило меня способности к дальнейшему препирательству, и в ответ я только всхлипнул. Шмыга захохотал [5, с. 27]. – Именно, – хихикал второй, тревожно косясь на Олега... [5, с. 250].

3. **Злоба:** Борис мрачно усмехнулся [5, с. 305]; Шмыга недобро засмеялся [5, с. 104].

4. **Досада:** – Может, сразу оперов в гости позовешь? – хмыкнула Румаль Му-саевна. – Не дури [5, с. 323]. Чувство досады усиливается повелительным глаголом не дури.

Что касается выражения смехом положительных эмоций, то у Виктора Пелевина они также занимают доминирующее место. Все они выражены прямой номинацией, т.е. наречиями, причастиями с мелиоративной окраской: вдруг, сдержанно, грустно, просительно, древней, дружеский, открытая. Группируем их по классам.

1. **Удовольствие:** <...> не надо бояться ангелов, потому что именно из человека Бог на них смотрит, и поражается, и смеется, и плачет, как дитя... [5, с. 57]; Если я скажу, например, что закон всемирного тяготения – это один из ангелов Божьих, так вы просто засмеесь [5, с. 57].

2. **Радость, счастье:** <...> я летел за вихрем искр, и был одной из искр и всем вихрем, и смеялся и пел на разные голоса... [5, с. 57].

3. **Дружба, симпатия:** Он вдруг улыбнулся с неожиданной теплотой и сказал: – Сколько тебе раз повторять, Сеня. Мы с тобой на «ты». <...> Большие никогда меня так не обижай [5, с. 62]; И он улыбнулся – такой хорошей, открытой улыбкой [5, с. 130]. В данных примерах мелиоративный эффект объективируется существительным теплотой и прилагательными хорошей, открытой.

4. **Сдержанность:** – Сегодня на своем ранчо в Кроуфорде, – со сдержанной улыбкой сказала девушка-диктор, – катаясь на велосипеде, президент Буш упал и получил легкие ушибы. Бушу оказана медицинская помощь [5, с. 71].

5. **Ирония, добродушность:** Я не причину тебе зля. Если тебе интересно, детка, задавай свои смешиные вопросы. Давай, почему бы и нет [5, с. 345]; – Выходит, – с легкой иронией спросил Аристотель Федорович, – совсем была пустая трата времени? [5, с. 300].

6. **Невозмутимое спокойствие:** Дело не в том, – ответил с безмятежной улыбкой Добросвет, – был ли он у меня [5, с. 42].

7. **Грусть, печаль:** Ангел грустно усмехнулся и качнул головой. Маша заметила, что его лицо опять стало юным и светлым, из рук исчезло оружие, а крылья за спиной сделались ослепительно белыми [5, с. 348].

8. **Просьба:** Борис поймал взгляд Румали Мусаевны, просительно улыбнулся и кивнул в сторону кухонной стойки. Румаль Мусаевна встала, налила ему немного чая и поднесла чайную чашку к его губам [5, с. 301].

Кроме того, нами был зафиксирован случай характеристики смеха, не относящийся ни к одному из вышеописанных. Смех у Виктора Пелевина также может иметь необъяснимую, загадочную природу: *Смех преобразил его. Ангел больше не выглядел юным и хрупким. Теперь у него было обожженное звездным пламенем лицо с мощными надбровьями, переходящими в два далеко отстоящих друг от друга рога. <...> За его спиной подрагивали шесть крыльев – одна пара завивалась вверх, другая вниз, а два средних крыла были широко и грозно раскинuty в стороны. А на конце его хвоста ярко сиял неземной глаз, глядящий на Машу* [5, с. 344].

Анализ способов образования концепта «смех» с точки зрения частеречного аспекта показывает нам, что наиболее продуктивным средством для его вербализации является глагол, наименее продуктивным – имя прилагательное, наречие и звукоподражание. Нами зафиксировано 13 глаголов, 5 имен существительных, имя прилагательное, наречие и звукоподражание, т.е. доминирующую часть составляют контексты, содержащие глаголы-репрезентанты. Следует отметить, что анализ отмеченных глаголов с точки зрения их аспектуальности показывает приблизительный паритет в выражении инфектности / перфектности: *смеяться, посмеиваться – засмеяться, рассмеяться, смеишь – насмеишь, усмехаться – усмехнуться* и т.д. Доминирующую позицию среди имен существительных занимает ключевое слово-репрезентант *улыбка*. Количество контекстов с другими лексемами является sporadическим. При этом следует отметить случаи употребления писателем дериватов с уменьшительными суффиксами, что актуализирует негативную оценку, уничижительное восприятие смеха. Специфическими свойствами смеха у автора являются его динамический характер и многоплановость выражения;

Таким образом, в картине мира Виктора Пелевина структура концепта «смех» является намного сложнее и многомернее, чем в русской национальной картине мира. Расхождения между национальной и авторской моделью концепта свидетельствуют, прежде всего, об их главном отличии: у Виктора Пелевина смех является источником положительных эмоций, а также иронии, сарказма, негативных качеств характера человека.

Литература

1. Бабенко Л. Г. Русская эмотивная лексика как функциональная система : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. Г. Бабенко. – Свердловск, 1990. – 32 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2006. – 1536 с.
3. Лукьянова Н. А. Экспрессивность в системе, словаре и речи / Н. А. Лукьянова // Человеческий фактор в языке : языковые механизмы экспрессивности. – М. : Наука, 1991. – С. 157–178.
4. Мягова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования / Е. Ю. Мягова. – Воронеж : Изд-во Воронежск. ун-та, 1990. – 198 с.

5. Пелевин В. Ананасная вода для прекрасной дамы / Виктор Пелевин. – М. : Эксмо, 2011. – 352 с.

6. Телия В. Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке / В. Н. Телия // Сущность, развитие и функции языка. – М. : Наука, 1987. – С.65–74.

7. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Изд. 3-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208 с.

Senicheva O. A. Emotions verbalization in Victor Pelevin's language model of the world

The article is devoted to studying linguistics of emotions in the language model of the world. The core and background parts of concept «laughter» are stated in the article, based on materials of Viktor Pelevin's belles works.

Key words: emotion, laughter, concept, language model of the world.

Сєнічєвє О. А. Вєрбєлїзєцїє ємєцїїу мєвнїї кєртїнї свїту Вїкторє Пєлєвїнє

У статті досліджується лінгвістика емоцій у мовній картині світу. Визначається ядерна та периферійна частини концепту «сміх» на матеріалі прози Віктора Пєлєвїнє.

Ключєві слєвє: ємєцїє, смїх, кєнцєпт, мєвнє кєртїнє свїту.